

Ингрэм Джон Кельс

**История рабства, от древнейших
до новых времен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д42

Д42 **Джон Кельс И.**
История рабства, от древнейших до новых времен / Ингрэм Джон Кельс — М.: Книга
по Требованию, 2026. — 338 с.

ISBN 978-5-519-87033-7

ISBN 978-5-519-87033-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и образованныхъ мужчинъ и женщинъ, и потому стремился, по отношенію къ исторіи рабства, дать широкіе взгляды и общія идеи, какія должны входить въ составъ умственной пищи каждаго развитого человѣка. Въ то же время я старался соблюдать величайшую точность въ изложеніи фактовъ и буду весьма удивленъ и огорченъ, если мнѣ укажутъ на какую-нибудь серьезную ошибку въ этомъ отношеніи. Я свободно пользовался трудами тѣхъ, кто, до меня, разсматривалъ вопросъ о рабствѣ въ цѣломъ или въ частностяхъ; библіографическій перечень источниковъ, приложенный къ книгѣ, показываетъ, что изъ трудовъ моихъ предшественниковъ я пренебрегъ весьма немногими, доступными для изученія. Я долженъ выразить особую благодарность двумъ пзъ нижепоименованныхъ авторовъ, изслѣдовавшихъ, весьма внимательно и добросовѣстно, большую часть той области, въ которой приходилось двигаться мнѣ, — Г. Валлону, въ его *L'Esclavage dans l'Antiquité*, и З. Сугенгейму, въ его *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft*.

Нѣсколько примѣчаній, которыя имѣютъ отношеніе къ главному предмету изслѣдованія и заслуживаютъ вниманія, но которыя, будучи помѣщены въ текстъ книги, нарушили-бы правильный ходъ разсказа, — помѣщены особо.

Слѣдуетъ прибавить, что настоящая книга есть воспроизведеніе, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, статьи «Рабство», вошедшей въ девятое изданіе *Епсу-*

сloрædia Britannica. Эта статья была, сколько мнѣ извѣстно, первой попыткой на англійскомъ языкѣ дать полный, хотя и краткій очеркъ рабства и крѣпостного права древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ.

Дж. К. Ингрэмъ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Знаменитый французский экономист Дюнуайе ¹⁾ утверждает, что экономический режимъ каждого общества, въ началѣ его осѣдлой жизни, непременно основывается на рабствѣ въ рабочихъ профессіяхъ, и самыя обширныя историческія изслѣдованія подтверждаютъ эту его мысль. Въ охотничій періодъ воинъ-дикарь не обращаетъ въ рабство побѣжденнаго врага, а убиваетъ его; женщины покореннаго племени онъ уводитъ къ себѣ и дѣлаетъ ихъ женами или служанками, такъ какъ въ этотъ періодъ домашнія работы почти исключительно выполняются женщинами. Въ пастушескій періодъ, рабовъ держатъ только для продажи, за исключеніемъ немногихъ, которые могутъ понадобиться для охраненія стадъ или для слабыхъ попытокъ къ только-что нарождающемуся земледѣлію. Но, по мѣрѣ того, какъ укореняется осѣдлая жизнь и земледѣліе начинаетъ практиковаться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, — а люди по прежнему остаются проникнутыми воинственнымъ духомъ, — усиливается потребность въ трудѣ рабовъ: они добываютъ пищу для господина и въ то же время избавляютъ его отъ утомительной домашней работы. На этой стадіи обществен-

1) De la Liberté du Travail, L. IV. chap. IV. § 1.

наго развитія рабство является повсемѣстнымъ и неизбежнымъ.

Но тамъ, гдѣ установилась теократическая организація, рабство, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не могло сдѣлаться жизненнымъ элементомъ общественнаго строя. Въ странахъ, гдѣ населеніе раздѣляется на касты, гдѣ между этими кастами распределены всѣ общественныя повинности, ручной трудъ и ремесла,—не остается мѣста для рабовъ; ихъ употребляютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ, для домашнихъ услугъ, или-же, большими массами, для гигантскихъ сооружений, которыя по временамъ предпринимаютъ вожди такихъ общинъ. При социальномъ устройствѣ такого рода, низшая каста можетъ быть угнетенной и презираемой, но она не находится въ состояніи рабства: члены ея подчинены высшимъ классамъ не индивидуально, а коллективно.

Зато въ общинахъ, организованныхъ спеціально для войны, въ общинахъ, гдѣ военное сословіе преобладаетъ надъ сословіемъ жрецовъ, рабство является вполне естественнымъ и понятнымъ. А такъ какъ войны въ исторіи человѣчества играютъ весьма важную роль, мы, при всемъ нашемъ справедливомъ отвращеніи ко всѣмъ видамъ рабства, должны признать его необходимой ступенью общественнаго развитія. Наибольшимъ препятствіемъ къ признанію этой важной истины была вполне основательная ненависть общества къ современному рабству, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ колоніяхъ европейскихъ государствъ. Но современное рабство не представляло собою, подобно древнему, временной необходимости, произвольно вытекающей изъ условій извѣстнаго общественнаго строя и ведущей къ счастливымъ послѣдствіямъ; оно было чудовищнымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей, созданнымъ искусственно и враждебнымъ интересамъ цивилизаціи.

Что рабство играло весьма существенную роль въ социальной экономіи древнихъ, это мы можемъ заключить

уже изъ того факта, что самые замѣчательные политики и мыслители древнихъ временъ въ принципѣ признають его неизбѣжнымъ. Но если мы самостоятельно разсмотримъ послѣдовательный ходъ развитія человѣчества, мы придемъ къ подобному-же заключенію. Не говоримъ уже о томъ, что при всемъ томъ отвращеніи, которое оно внушаетъ современному человѣку, все же рабство, рассматриваемое относительно, было громаднымъ шагомъ впередъ на пути прогресса, такъ какъ, съ его водвореніемъ, убіеніе плѣнныхъ, часто сопровождаемое каннибализмомъ, замѣнилось пожизненной работой или службой побѣдителю ¹⁾. Это всѣми признанная заслуга рабства. Любопытна старинная, хотя и неправильная этимологія этого слова ²⁾. Но далеко не всѣ еще убѣждены въ томъ, что рабство оказало также относительно важныя услуги въ позднѣйшій періодъ соціальной эволюціи. Такъ напр., нѣкоторые указываютъ на то, что — во первыхъ, рабство сообщило военному сословію, въ его стремленіяхъ къ господству, интенсивность и стойкость, что необходимо для системы подчиненія одного народа другимъ, посред-

¹⁾ Hor. Ep. 1. XVI. 69.

«Vendere cum possis captivum, occidere noli:
Serviet utiliter».

«Il est fort probable que, sans une telle transformation, l'aveugle passion guerrière du premier âge social aurait déterminé depuis longtemps la destruction presque entière de notre espèce». Контъ, Philosophie positive, 53 leçon.

²⁾ «Servi autem ex eo appellati sunt quod imperatores captivos vendere ac per hoc servare nec occidere solent». Юстиніанъ, Inst. I tit. 3. § 3. Но слово *servus* вовсе не одного происхожденія съ словомъ *servare*; въ сущности, оно родственно Гомерическому *Εἵρερος* и глаголу *Εἴρω*, однородному съ латинскимъ *se-ro*. Не мѣшаетъ замѣтить, что англійское слово *slave* (рабъ) употреблялось первоначально для обозначенія національности; такъ назывались славяне, попавшіе въ плѣнъ къ германцамъ и обращенные ими въ крѣпостное состояніе. «Отъ Эвксинскаго порта до Адріатики, въ качествѣ военнопленныхъ или рабовъ... они (т. е. славяне) распространились по всей странѣ; случай или злой умыселъ измѣнилъ значеніе національнаго имени, и слово *slave* (отъ слава) стало обозначать — рабъ». Гиббонъ, *Decline and Fall*, ch. I v. (Рус. пер.).

ствомъ завоеваній—къ чему, въ сущности, и сводились эти стремленія; во вторыхъ, что будто-бы оно принуждало плѣнныхъ, потомки которыхъ, мало по малу, составили большинство населенія покорившей ихъ страны, вести дѣятельную, трудовую жизнь, несмотря на отвращеніе къ правильной и продолжительной работѣ, присущее человѣческой природѣ, въ особенности въ раннихъ стадіяхъ соціальнаго развитія, когда беззаботность является чуть ли не общей характерной чертой, а освобожденіе отъ всякой отвѣтственности—желаннымъ и благотѣльнымъ. Впрочемъ, съ такими предположеніями согласны далеко не всѣ соціологи.

Относительно этой послѣдней заслуги рабства слѣдуетъ замѣтить, что производительная промышленность не создавалась лишь добровольными усиліями человѣка; во всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ намъ странахъ, сильный принуждалъ къ труду слабого, и привычка трудиться воспитывалась въ народѣ только строгой дисциплиной насилія ¹⁾. Съ первобытной точки зрѣнія, свободный человѣкъ, который въ то время былъ непременно воиномъ, и рабъ—были союзниками, одновременно выполнявшими различныя функціи и взаимно дополнявшими другъ друга: каждый былъ необходимъ для поддержанія жизни и дѣятельности другаго, и слѣдовательно, оба, безъ всякихъ столкновеній и соперничества, работали на пользу общую. Въ современномъ же рабствѣ въ колоніяхъ, гдѣ занятія господъ и рабовъ болѣе или менѣе одинаковы, существованіе класса рабовъ, не освобождая хозяевъ настолько, чтобы они могли съ пользою приложить свои силы на другомъ поприщѣ служенія обществу, только оберегаетъ самодовольный покой и благосостояніе нѣкоторыхъ, обрекая въ то-же время другихъ на праздность и нищету.

1) Въ данномъ случаѣ авторъ несомнѣнно заблуждается, приписывая рабству такія заслуги, въ какихъ оно не повинно. Есть мѣстности, гдѣ рабства никогда не существовало, хотя «правильныя и продолжительныя работы» представляютъ общее правило. Пр. р е д.

Дѣятельность военнаго сословія въ Греціи была безсистемна, часто безцѣльна, и, за исключеніемъ сопротивленія Персіи, закончившагося походомъ Александра, не дала, въ сущности, никакихъ результатовъ. Только въ Римской имперіи это сословіе выполнило социальную миссію, оправдывающую его существованіе; Римъ-же былъ главнымъ рассадникомъ рабства, во все время выполненія этой миссіи. Лишь только побѣдное шествіе Римлянъ и сопровождающее его присоединеніе къ нимъ покоренныхъ народовъ достигли своихъ естественныхъ предѣловъ, рабство начало видоизмѣняться; когда-же имперія распалась на отдѣльные государства, развившіяся подъ ея охраной, и система обороны, характеризующая средніе вѣка, замѣнила наступательную систему древнихъ, рабство постепенно исчезло, уступивъ мѣсто крѣпостному или ленному праву, которое, въ свою очередь, съ развитіемъ современной промышленной жизни, уступило мѣсто личной свободѣ.

Контъ доказалъ ¹⁾, что политеизмъ и осѣдлость распространялись одновременно и что образованіе осѣдлыхъ общинъ непремѣнно влекло за собою политеизмъ, какъ религію; изъ этого мы можемъ заключить, что появленіе политеистическихъ ученій соотвѣтствуетъ, по времени, введенію систематическаго рабства. И дѣйствительно, между ними существуетъ естественное соотношеніе, такъ-же какъ между фетишизмомъ и убійствомъ плѣнныхъ, между монотеизмомъ и свободой. Фетишизмъ, какъ религія строго мѣстная (племенная), не могъ связать побѣжденныхъ и побѣдителей никакими духовными узами, способными противостоятъ импульсу разрушенія и потому требовалъ истребленія плѣнныхъ. Но каждая форма политеизма обладаетъ извѣстной степенью приспособляемости и не вполне исключаетъ другія формы: по-

¹⁾ Phil. ros. L. 52. L. 53—мастерской трактатъ о древнемъ политеизмѣ вообще.

этому въ религіозныхъ понятіяхъ побѣдителей и побѣжденныхъ оказывалось достаточно общаго, чтобы между господиномъ и рабомъ могла установиться извѣстная гармонія привычекъ, но въ то же время и достаточно разницы, чтобы поддерживать ихъ на приличномъ разстояніи другъ отъ друга. Самое покореніе побѣжденнаго уже показывало, что его боги находятся на низшей ступени достоинства, и этого было достаточно, чтобы оправдать и освятить его подчиненное состояніе.

Подобное-же соотношеніе существуетъ между рабствомъ и сліяніемъ духовной и свѣтской властей, характеризующимъ древность. Строгая и стойкая внутренняя дисциплина обществъ, проникнутыхъ воинскимъ духомъ, подкрѣплялась соединеніемъ матерьяльнаго господства съ религіознымъ авторитетомъ. Это соединеніе, особенно въ области домашнихъ отношеній, давало власти господина санкцію свыше и въ то-же время избавляло его отъ вмѣшательства въ его поступки жрецовъ, что неминуемо подрывало-бы его авторитетъ. Вездѣ, гдѣ рабство, являясь результатомъ завоеваній, существовало наравнѣ съ монотеизмомъ, мы встрѣчаемъ также и соединеніе властей; въ принципѣ, оно противно монотеизму, но иногда, въ силу особыхъ условій, уживается съ нимъ.

До сихъ поръ мы рассматривали политическіе результаты древняго рабства и нашли, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было не только полезно, но и неизбежно. Но если мы рассмотримъ это учрежденіе относительно его нравственнаго воздѣйствія на человѣчество, при всемъ стараніи избѣгать преувеличеній, мы должны будемъ признать, что оно имѣло крайне пагубное вліяніе, какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Благодѣтельные послѣдствія привычки къ труду парализовались для раба тѣмъ, что въ немъ не могло развиваться чувство человѣческаго достоинства, которое есть основаніе всякой нравственности; такъ какъ никто не давалъ себѣ труда заботиться о воспитаніи понятій и чувствъ раба, а слишкомъ

часто онъ былъ лишенъ и естественнаго воспитанія, вытекающаго изъ нормальныхъ семейныхъ отношеній. На нравственность господъ—личную, семейную и общественную—рабство также оказало самое печальное вліяніе.

Привычка къ абсолютному господству, вообще опасная для нашей природы, особенно пагубно дѣйствовала тамъ, гдѣ это господство сказывалось въ каждой мелочи житейскаго обихода и гдѣ ничье вмѣшательство извнѣ не могло помѣшать господину распоряжаться по своей прихоти чувствами и судьбой своихъ подчиненныхъ. Подвергая господина разрушительному дѣйствию мести, рабство уничтожало въ немъ способность сдерживаться и владѣть собой—первое условіе нравственнаго совершенствованія. Въ семьѣ рабство потворствовало и способствовало распушенности нравовъ; рабыни сплошь и рядомъ падали жертвами животной страсти господина или же развращались, едва выйдя изъ дѣтства. Оно вносило разладъ въ супружескія отношенія, компрометируя достоинство и разрушая счастье жены. Оно въ раннемъ возрастѣ подтачивало цѣломудріе сыновей, и общій уровень чувствъ и понятій молодого поколѣнія понижался, благодаря его интимнымъ сношеніямъ съ презираемымъ и униженнымъ классомъ. Особенно-же сильно отражалась эта воспитанная семьею привычка къ жестокому или, по крайней мѣрѣ, суровому отношенію къ низшимъ, въ нравственности общественной. Юмъ указываетъ намъ на то, какъ «мало человѣчности наблюдается у людей, привыкшихъ съ дѣтства безконтрольно властвовать надъ подобными себѣ и топтать ногами человѣческую природу.... Суровые, даже варварскіе нравы древнихъ временъ объясняются всего удовлетворительнѣе привычкой къ домашнему рабству, благодаря которому всякій знатный человѣкъ дѣлался маленькимъ тираномъ и воспитывался среди мести, угодливости и низкопоклонства своихъ рабовъ ¹⁾).

¹⁾ Essay on the Populousness of Ancient Nations.

Да и какъ иначе объяснить эти двѣ прискорбныя черты характера древнихъ — суровость и жестокость, проявившіяся не только въ частыхъ политическихъ звѣрствахъ, но и въ общественныхъ развлеченіяхъ, и обезображивавшіе нравственный образъ лучшихъ типовъ, какіе даетъ намъ древняя исторія? Прискорбныя послѣдствія рабства, описанныя нами, разумѣется, не были повсемѣстнымъ явленіемъ; какъ между господами, такъ и между рабами встрѣчаются замѣчательныя исключенія — примѣры доброжелательнаго покровительства съ одной стороны и безкорыстной преданности съ другой ¹⁾, дѣлающія честь человѣческой природѣ, но все-же дурные результаты неизмѣримо перевѣшивали хорошіе.

¹⁾ См Платонъ, *Legg.* VI. 776 d.